

Солнечный ветер

Байконура

— ...Ребята, очень есть хочется,— голос бортинженера экипажа Лены Кондаковой умолял обратить на нее внимание.

— Потерпи, пока спадет жара, — ответил командир. — У нас мало воды.

До конца эксперимента на выживание в пустыне осталось еще 14 часов...

О том, как в январе этого года шесть журналистов, кандидатов в космонавты, и три врача из Института медико-биологических проблем жили двое суток, словно полярные куропатки в снегах Заполярья, «Красная звезда» рассказывала своим читателям...

Проверив нас Арктикой, методисты-инструкторы спланировали очередной этап испытаний человеческих возможностей. В схеме-графике подготовки к космическому полету появился желто-кирпичный цвет — пустыня.

У большинства из нас познания о ней не выходили за рамки школьного учебника по географии. А уж тот, кому на пару дней довелось оказаться по служебным делам в Средней Азии летом, старался поделиться опытом. Жизнь в пустыне, а ею в конце концов оказывались крупные республиканские центры, расписывалась в красках, подчеркивалась в основном «экзотика» животного мира: фаланги, скорпионы, каракурты, гремучие змеи, кобры и эфы. Пролетав пять лет на истребителях, базирующихся среди среднеазиатских песков, я, правда, ничего этого не встречал «на каждом шагу». У страха, как известно, всегда глаза велики...

В Центре подготовки космонавтов нет учета, сколько кандидатов прошло выживание в пустыне с помощью капитана 2 ранга Виктора Шалимова, подполковника Михаила Коновалова, других офицеров и прапорщиков отдела. Все они, прежде чем что-то порекомендовать в методику обучения космонавтов, проводили эксперименты за себе.

По мнению известного путешественника и писателя Яцека Палкевича, основавшему в Венеции «Школу выживания», лично участвовавшему в советских космических экспериментах на земле, опыт, накопленный в Звездном городке, бесценен.

Читатель, возможно, задает вопрос: «А стоит ли вообще, рискуя жизнью, испытывать все эти лишения?» Стоит.

Возвращаясь на Землю, не всегда приземляются корабли в расчетную точку посадки. Вот тогда и приходят космонавтам на помощь те знания, навыки, что заложили в них методисты Центра.

На выживание в пустыню нашу группу журналистов направили вместе с молодыми космонавтами — испытателями. Примерно за неделю узнал, что моим командиром экипажа будет майор Сергей Залетин, а бортинженером Елена Кондакова.

Одновременно с нашей тройкой в пустыню «залажет» второй, чисто журналистский, экипаж: Валерий Шаров и Юрий Крикун. «Журналист должен испытать все лично!» — любимый тезис Крикуна. Правда, напросившись на наземное катапультирование с перегрузкой 12 единиц, Юра заскучал и на время забыл свою крылатую фразу. Но узнав, что пустыню Каракумы нам заменили выживанием в районе Байконура, не удержался от замечания:

— Ну, это ерунда! Байконур — не те условия для выживания космонавтов!

— А знаете, — сказал капитан 2 ранга Шалимов, — что и при плюс тридцать шесть люди сутки не могут выжить?

Поживем — увидим.

не сдавался кинорежиссер из Киева, но спросил: — А змеит на есть? И сколько воды будет на человека?

Змей и скорпионов на юге Казахстана не меньше, чем в сердце Каракумов. Что касается продуктов и питья, то расклад был штатный для экипажа спускаемого из космоса аппарата: сублимированные кубики черносливя, творога с черной смородиной, шоколад, печенье, два кусочка сахара, пакетик растворимого кофе, крупички лимонной кислоты. Все вкусное и калорийное. Но положишь такой кубик под язык, рассосешь его, и начинаешь мучить одна мысль: хоть бы глоточек воды! А вот она-то у космонавтов в большом де-

● Странички космического дневника

фиците. Всего шестьсот граммов в штатной укладке на одного человека в сутки.

С водой вообще шутки плохи. В этом Шаров и Крикун вскоре убедились. Урок, преподанный пустыней, оказался классическим и войдет в историю отряда космонавтов. Но об этом позже.

ИЗ ЛЕНИНСКА, где мы жили в Доме космонавтов, автобус, минуя несколько контрольно-пропускных пунктов, увозит наши экипажи в глубь Байконура. Со всех сторон побелевшая от солнца земля, лишь верблюжья колыбка буйно цветет при этом пекле. Вспоминаю, что лучшего напитка для утоления жажды, чем янтак-отвар из этого растения, нет. Знаю, что в космической фляжке не янтак, а обработанная ионами серебра обыкновенная вода. Срок хранения ее больше года! Но что такое 600 граммов на сутки, если уже сейчас язык стал шершавый! Надо терпеть...

В передвижном автофургоне переодеваемся в космическую одежду: тонкое льняное белое белье, сверху спасательный скафандр «Сокол». Одежда и как в термокамеру вошел: от большого пальца ноги до затылка обволакивает влажный зной.

— Слово сардинка в собственном соку, — говорит Лена, и с ней трудно не согласиться.

Выйти из состояния консервации разрешается лишь после получасовой отсидки в спускаемом аппарате. Он привалился набок среди колючек пустыни и нещадно нагревается солнцем. Из приоткрытого люка-лаза тянет жаром, как из русской печки перед закладкой хлеба.

Проявляя галантность, представляем первой вползти в него Лене Кондаковой. Затем втискаюсь я, стараясь не зацепиться скафандром за детали аппарата. Места, кажется, больше нет. Но наш крупный командир находит для себя жизненное пространство, умудряется благодаря замечательной пластичности тела закрыть люк и не лишиться членов экипажа свободой движений.

— Лена, засекай время! — Залетин берет власть в свои руки.

На мою долю космонавта-исследователя ложится задача разобраться с упаковками

одежды, питания, средств медицинской помощи и оружия. Сделать это в тесноте кабины можно лишь, изворачиваясь ужом. Вспоминаю добрым словом своего инструктора по спорту в Звездном городке подполковника Ивана Москвина. Это он заставлял нас до стона заниматься растяжкой сухожилий, повторяя: «В космосе пригодится». Не знаю, как там, а на земле уже не раз понадобилось умение пятой ухом чесать.

Тридцать минут в душном спускаемом аппарате, поверьте, очень долгий срок. Когда, разомлевшие от жары, выкарабкались наконец на волю, то полуденный зной Байконура мне доказал калужской лесной прохладой. Но чувство это недолгим было. Солнце мгновенно высушило надетьное белье, а заодно и всю кожу. С этого момента через нее начался интенсивный влагообор, обезвоживающий организм.

В Центре подготовки космонавтов нас учили, что перво-наперво в пустыне нужно уметь защитить себя от солнечных лучей, т. е. построить навес из подручных средств и, забравшись в тень, постараться как можно меньше двигаться до наступления темноты.

Тысяча квадратных метров парашютной системы, гасящей скорость снижения спускаемого аппарата в атмосфере, идут в дело. Натягиваем тент. Два его конца удерживает спускаемый аппарат, к двум другим крепим «якоря» — насыпаем песок в куски ткани и зарываем их поглубже. На ночь тент будет служить гамаком: от земли до его краев будет сантиметров 15—20, и не всякое насекомое сможет залезти внутрь нашей «постели».

Большие куски ткани, словно простыни, растягиваем под тентом и ныряем в них. Вроде и не очень тяжелую работу проделали, а руки и ноги, словно ватные. Даже думать не хочется. Жара давит Небо бесцветное. Солнце поднялось еще выше и... заговорила пустыня, наполнилась шорохом. Низом пошел ветер. Откуда он прилетел? Это солнечный ветер. Только в пустыне можно встретиться с ним. Солнце расплетает пески. Мельчайшие частички становятся невесомыми и заполняют воздух, несутся в нем, проникая всюду.

Нам повезло. Недавно над этой местностью прошел дождь из забредшей неизвестно откуда тучи. Влага смочила песок, и он спелся коркой, не хрустит на зубах.

— «Саксаулы»? — позывной нашему экипажу выбрала Лена и теперь им вызывает на связь контрольный пункт. — Как самочувствие?

— Нормально, — отвечает по радиации майор Залетин. — Построили укрытие, отдыхаем...

В Центре подготовки космонавтов нас научили работать со штатной радиостанцией, входящей в комплект кораблей «Союз-ТМ». Но сейчас пользуемся «кирпичом», с которым патрулировали милиционеры лет десять назад. Штатного имущества для тренировок космонавтов не хватает. Тот же спускаемый аппарат, в котором мы сидели, «катает» команда Хлудеева который год по всему Союзу: в Арктику, на Черное море, в пустыню. Хозрасчетные отношения бьют по качеству подготовки космонавтов: фирмы, поставляющие оборудование и снаряжение для тренировок, заламывают цены. А откуда у Центра деньги? Хотя, как подметил деловым расчетливым капиталистическим взглядом Яцек (Омончание на 4-й стр.).

СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР

БАЙКОНУРА

(Окончание. Начало на 3-й стр.). Палкевич, ЦПК мог бы иметь валюту, к примеру, основав свою школу выживания — отбоя от иностранных клиентов не будет. Но до сего дня заниматься этим смысла не было: все деньги, заработанные Центром, попали бы в другой карман. Вот поэтому и просил нас полковник Хлудеев экономнее расходовать ткань парашюта, стропы, сигнальные ракеты. Последние, кстати, при запуске почему-то летели куда угодно, только не в нужном направлении. Брак? Чей?

В СКОРЕ после первого радиопереговора к нашему пристанищу подъехал капитан 2 ранга Виктор Шалимов. Оценив укрытие, посоветовал укрепить «якорями» тент, прошить листы материи для прочности фалом, подготовиться к ночевке.

В двухстах метрах от нас строили укрытие Шаров и Крикун. Каркасом для тента им послужили ложементы спускаемого аппарата. У космонавтов, попавших в сложную ситуацию при приземлении, все идет в дело.

После раннего завтрака во рту еще не было ни крошки, ни капельки влаги. Но при палящем солнце нужно терпеть. И мы лежим под тентом в одном нательном белье и как величайшую милость природы ловим струйное течение воздуха. Расплавленный воздух дрожит, создавая иллюзию пляшущих волн моря. Как хочется сейчас его прохлады! Сухая кожа тела просит пить. Трогаю грудь, живот. Прохладные. Через поры кожи идет влагоотделение. Организм работает, как испаритель. Говорю об этом Залетину. Тот очень серьезно отвечает: «Только самогон не гонит...» От неожиданного вывода все хохочем. И кажется, даже прохладнее стало. Психологическое напряжение — враг для оказавшихся в стрессовой ситуации. В нашем экипаже с юмором все в порядке. «...Если бы, — говорит Лена, — он заменял еще и борщ». Но о вкусной и здоровой пище лучше не мечтать в ближайшие сутки.

То ли от усталости, то ли разомлев в жару, мы на полуслове прекращаем разговоры и не засыпаем, а проваливаемся в тягучую дремоту. Теперь я знаю, что самый тяжкий труд — это лежать без движения. Состояние прикованности угнетает. Не выдержав его, пытается выкарабкаться из-под тента Лена, но, высунув нос наружу, охает, и принимает прежнее положение. Снаружи — пекло. И все плотнее становится ветер, обдувая разгоряченное тело. Интенсивнее становится теплообмен. Когда, закончив эксперимент, мы попадем в объятия врачей, они скажут, что каждый из нас потерял по три килограмма веса. Это — практически ничего не делаю. Так сушит человека солнечный ветер пустыни.

П РОХЛАДА пришла с заходом солнца. В пустыне нет сумерек: только что был ясный день и сразу ночь. Над головой темно-синий, усеянный звездами, полог. Стараемся вспомнить космическую навигацию и определить по светилам свои координаты. Через несколько часов нам это пригодится.

Чем ближе к горизонту скатывалось солнце, тем тише становилось вокруг. Стихал ветер. Лена, беспокойная натура, затормозила нас:

— Хватит отлеживаться! Надо посмотреть, что делается вокруг.

— Лена! — Сергей Залетин был непреклонен, командирские функции выше человеческих эмоций: — От спускаемого аппарата далеко не уходить!

— Давайте костер ночью разведем?

Природные условия помог-

ли нам в добыче топлива для костра. Сухие кусты верблюжьей колючки вспыхивают и сгорают быстро, зато кизяк — высушенный помет животных — горит долго, почти бездымно и дает много тепла. Мы набрали его вокруг спускаемого аппарата довольно много и с наступлением темноты развели костерок. Лена наконец-то получила несколько кубиков чернослива и творога с черной смородиной. Все выпили граммов по сто тепловатой, не очень вкусной, но утоляющей жажду воды из посеребренной изнутри фляги.

Мы сидели у костра и подводили итоги дня. Были собой довольны. Но впереди нас ждали еще 14 часов жизни в пустыне. А вскоре она убедит нас, что шутки с ней плохи...

На огонек явились «Скорпионы». Этот позывной выбрали для своего экипажа Валерий Шаров и Юрий Крикун. Их космический спускаемый аппарат, как я уже сказал выше, «приземлился» от нашего в 200 метрах. По условиям задачи они должны были действовать автономно. Но Шаров, командир экипажа, принял решение идти на огонь костра, т. е. на поиск людей, скажем так, и это его право.

Одна ошибка тянет за собой другую. Шаров и Крикун пришли, захватив с собой лишь электрофонари. Радиостанция, оружие с боеприпасами, сигнальные ракеты, продовольствие и вода — все осталось на их стоянке.

После палящего зноя дня ночь показалась необычно холодной. Около 22 часов майор Залетин скомандовал нашему экипажу отбой. Пожелав спокойной ночи, еще раз обтерев лицо и руки дбильно антикомарином, направились к своему лагерю Шаров и Крикун.

Минут через десять после их ухода Лена Кондакова приподнялась на локте и затормозила нас:

— Посмотрите, кто-то ходит по пустыне! Видите огонек?

Это были проблески электрофонарика. Неужели Шаров с Крикуном? Заблудились что ли?

— «Скорпионы»? Как слышите? Я — «Саксаул». Ответьте, — майор Залетин напрасно выжимал из тангенты микрофона. В ответ — молчание.

— Наверное, — сказала Лена, — заблудились, вот и пытаются сами выйти на место.

Залетин включил фонарь, замахал им над головой.

— Эй, — услышали мы в ответ. — Дайте ориентир выхода...

Через некоторое время «Скорпионы» зашуршали у своей стоянки.

— Все нормально? — крикнула в ночь Лена.

— Да, — прозвучал короткий ответ.

Ночь прошла спокойно. Под утро все надели теплозащитные костюмы. Но к семи часам пустыня вновь заявила о себе знойным солнцем. Покормив Лену, мы с Залетиным ограничились лишь несколькими глотками кофе, — перетянули тент, забралась под него и доложили на контрольный пункт, что готовы к продолжению испытаний...

ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ часов мы шли по Ленинску, городу космических стартов. Остатки вливались у каждой бочки с квасом, у каждого киоска с соком, жадно следили взглядом за водой в арыках. Пили много. И я физически ощущал, как наполняется влагой, становится эластичной пересушенная кожа...

Полковник
А. АНДРЮШКОВ,
корр. «Красной звезды»,
кандидат в космонавты
от Союза журналистов
СССР.